

Научная статья

УДК 7.03

DOI: 10.36871/hon.202603045

ПУШКИН КАК ИСТОРИК: ОСОБЕННОСТИ И МЕТОДЫ РАБОТЫ

Владимир Павлович Богданов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, дом 1
Российская государственная специализированная академия искусств
121165, Российская Федерация, Москва, Резервный проезд, дом 12
vpbogdanov@gmail.com, ORCID: 0000-0002-3129-406X

В статье А. С. Пушкин предстает как ученый. В работе показано, что поэт не только читал и активно использовал в своих литературных произведениях труды профессиональных историков, но и сам активно был включен в исследовательский процесс. Для него было характерно обращение к первоисточникам, их поиск и публикация. Пушкин сам инициировал появление значительного корпуса текстов, без которых немыслима современная наука. В этом плане можно сказать, что А. С. Пушкин наряду с П. М. Строевым стоит у истоков полевой археографии. Прекрасное чувство языка, отмечаемое у А. С. Пушкина многими исследователями, является результатом его активной источниковедческой работы. Поэт разбирался в тонкостях словоупотребления далекого прошлого и мог активно полемизировать о нем с профессиональными историками. Он не терпел анахронизмов и сам их старался не допускать в своих литературных произведениях. Знание тонкостей работы историков привело к тому, что он мог даже пародировать их («История села Горюхина», 1830). Ряд исследовательских приемов, характерных для А. С. Пушкина, перешли позднее в работу историков XX века.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, история, источниковедение, методы, литература, наука, критика

Для цитирования: Богданов В. П. Пушкин как историк: особенности и методы работы // Художественное образование и наука. 2026. № 3 (48). С. 45–54. <https://doi.org/10.36871/hon.202603045>

Original article

PUSHKIN AS A HISTORIAN: FEATURES AND METHODS OF WORK

Vladimir P. Bogdanov

Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
Russian State Specialized Academy of Arts
Reservny pr., Moscow, 121165, Russian Federation
vpbogdanov@gmail.com, ORCID: 0000-0002-3129-406X

This article portrays A. S. Pushkin as a historian, examining his research methods. It demonstrates that Pushkin did more than simply read and utilize the works of professional historians in his literary oeuvre; he was also actively involved in the research process himself. He was known for referring to primary sources, searching for them, and publishing them. Pushkin himself initiated the publication of a significant body of texts, without which modern science would be unthinkable. In this regard, it can be said that A. S. Pushkin, along with P. M. Stroyev, stands at the origins of field archeography. A. S. Pushkin's excellent sense of language, noted by many researchers, was the result of his active source work. The poet understood the subtleties of word usage in the distant past and could debate them with professional historians. He did not tolerate anachronisms and took care to avoid them in his literary works. His knowledge of the nuances of historians' work meant that he could even parody it (*The History of the Goryukhino Village* 1830). Several research techniques employed by A. S. Pushkin were later adopted by XX-century historians.

Keywords: A. S. Pushkin, history, source studies, methods, literature, science, criticism

For citation: Bogdanov V. P. Pushkin as a Historian: Features and Methods of Work. *Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka* [Arts Education and Science]. 2026, no. 3 (48). P. 45–54. <https://doi.org/10.36871/hon.202603045> (In Russian)

В мае 1825 года (за полгода до восстания на Сенатской площади) А. С. Пушкин писал поэту-декабристу К. Ф. Рылееву: «Что сказать тебе о думах? (речь идет о сборнике поэм Рылеева. — В. Б.) ... все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из *общих мест* ... Описание места действия, речь героя и — нравоучение. Национального, русского нет в них ничего, кроме имен (исключая “Ивана Сусанина”, первую думу, по коей начал я подозревать в тебе истинный талант). Ты напрасно не поправил в “Олеге” *герба России*. Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел, есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III. Не прежде. Летописец просто говорит: “Таже повеси щит свой на вратех на показание победы”».

Кроме художественной критики (отсутствия разнообразия и оригинальности в описании места действия и речей героев), важно, что Пушкин критикует Рылеева и с точки зрения описания прошлого: за анахронизмы

в языке поэмы и нарушение исторической фактографии. При этом Пушкин обращается к источнику, приводя мнение летописца [8, 113].

В книге «Поэты-декабристы» в 1950 году В. Г. Базанов отметил, что Рылеев нередко навязывал героям прошлого исторически-прогрессивную миссию так, как он ее понимал. Пушкин не прощал Рылееву этой общей неверности духа, которая вела также к ошибкам в деталях. Самому Пушкину избегать подобного рода анахронизмов позволяло внутреннее чувство истории (историзм) и прекрасное знание предмета.

О выдающемся русском поэте сказано так много, что трудно найти ракурс, с которого не рассматривалось бы его творчество. Тем не менее представляется, что тема «Пушкин как историк» имеет значительный потенциал.

Первым, кто приблизился к теме, был В. О. Ключевский в речи 1880 года и статье «Памяти А. С. Пушкина» 1899 года. В них он отметил, что Пушкин был историком там, где не думал им быть, а его литературные

произведения содержат больше истории, чем некоторые исследования о прошлом.

В 1915 году Н. Фирсов выпустил статью, прямо называвшуюся «Пушкин как историк». В работе 1923 года «Проза Пушкина» Н. О. Лернер отметил многоаспектность интереса Пушкина к прошлому как источнику творчества и то, что без глубокого знания прошлого не было бы ни «Скупого рыцаря», ни «Сцен из рыцарских времен», ни «Египетских ночей».

В 1931 году в качестве предисловия к собранию сочинений вышла статья М. Н. Покровского «Пушкин-историк», в которой автор отметил, что Пушкин как историк старше своего поколения. Он отказывал поэту во владении современными ему принципами и навыками исторического исследования. По его мнению, А. С. Пушкин не был знаком с современной ему историографией, якобы плохо разбирался в системе И. Ф. Эверса (положения которого легли затем в основу исторических воззрений С. М. Соловьева и К. Н. Кавелина) и вряд ли читал труды О. Тьера и Ф. Гизо. На самом деле это не так. Пушкин знал труды этих ученых. В частности, «Историю русского народа» Н. Полевого в 1830 года он называл *пародией* на «Гизота и Тьери» [6, 101].

В 1937 году с Покровским поспорил Л. Бычков, отметивший в статье со схожим названием («Пушкин как историк»), что поэт был хорошо знаком с современной ему историографией. В 1949 году Г. В. Блох, анализируя работу А. С. Пушкина по истории Пугачевского восстания, констатировал: «Пушкин обладал не только вполне зрелой исследовательской техникой, достойной профессионального историка, но и тонко развитым историко-критическим чутьем» [1, 204]. При этом сама «История Пугачева», по мнению Блоха, пример научного, политического, патриотического подвига.

В статье Б. В. Томашевского «Историзм Пушкина» (1954) историзм был отмечен в качестве характерной черты пушкинского метода, а в работе М. А. Цявловского «Пушкин и «Слово о полку Игореве»» показан интерес поэта Пушкина к проблемам подлинности древней поэмы.

В монографии 1968 года Л. В. Черепнина анализируются исторические взгляды русских писателей, и Пушкину посвящена отдельная глава. В ней, в частности, Л. В. Черепнин выявил «любимые» темы А. С. Пушкина, которые, как правило, от-

носились «к переломным эпохам исторического прошлого: Смута на рубеже XVI и XVII вв., когда Россия сделалась ареной иностранной интервенции; время Петра I; народное движение, возглавленное Пугачевым» [13, 17]. В 1984 году Н. Я. Эйдельман писал: «...множество пушкинских стихов, поэм, произведений прозаических, драматических, публицистических, не говоря уже о чисто исторических, как бы собирается, объединяется в огромное целое, насквозь пронизанное историей, историзмом» [14, 360].

Тот факт, что Пушкина можно рассматривать в контексте исторического знания начала XIX века, ни у кого давно не вызывает сомнений. Более того, историки Санкт-Петербурга включили А. С. Пушкина в число представителей «Петербургской исторической школы (XVIII – начало XX века)».

Подводя итог историографическому обзору, следует отметить следующее.

- Пушкин может быть отнесен к профессиональному сообществу историков своего времени, а для его творчества в принципе характерен историзм как мировоззрение и творческий метод.
- При общей констатации того, что Пушкина интересовала история в целом («Пушкин проявлял широкий интерес к проблемам античности, западноевропейского средневековья, эпохи Возрождения, к истории Великой французской революции и к ряду других вопросов всемирной истории» [13, 14]), все отмечают особое значение для его творчества интереса к истории России.
- Для представления значимости Пушкина как историка необходимо привлекать не только его аналитические труды, но и значительную часть его художественных произведений.

В настоящее время разработка темы «Пушкин как историк» немного замедлилась, и пока, как представляется, недостаточно освещены методы изучения истории А. С. Пушкиным. Остановимся именно на этом сюжете, для рассмотрения которого особое значение имеют не только его исследовательские или публицистические работы или письма, но и художественные произведения.

РАБОТА А. С. ПУШКИНА С ИСТОРИОГРАФИЕЙ

Значительную часть априорных знаний о прошлом А. С. Пушкин получал из библиотеки родителей, а позднее — из своей соб-

ственной. Из 1522 книг, входивших в собрание поэта, не менее 377 (155 на русском и 222 на иностранных языках) были посвящены политической истории; история литературы представлена 79 экземплярами (18 и 61); история церкви — 14; «этнография и статистика» — 11 [9]. То есть не менее 481 книги (31%) в библиотеке А. С. Пушкина были по истории. В записях А. С. Пушкина, как отмечает Л. В. Черепнин, «не раз встречаются имена Ф. М. Вольтера, А. Л. Шлецера, Ф. Гизо, Б. Г. Нибура, О. Тьерри, Н. М. Карамзина, Н. А. Полевого, М. П. Погодина, М. Т. Каченовского и многих других историков, философов, публицистов» [13, 14].

Когда Пушкина интересовал тот или иной сюжет, он старался приобрести литературу по этой теме. В июне 1831 года поэт писал Е. М. Хитрово (дочери прославленного полководца М. И. Голенищева-Кутузова): «...я предпринял исследование французской революции; покорнейше прошу вас, если возможно, прислать мне Тьера и Минье» [7, 76, 654]. В следующем письме он благодарит Е. М. Хитрово за выполнение просьбы, и обе эти книги мы видим в библиотеке поэта¹. Последней книгой, которую приобрел Пушкин для домашнего собрания, стало сочинение А. Токвиля, посвященное государственному устройству США.

Обращает на себя внимание и тот факт, что чтение по отечественной истории для Пушкина, в отличие от многих его современников, не ограничивалось «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина. Он знал и труды В. Н. Татищева, личностью которого явно интересовался, судя по биографии ученого, найденной в бумагах поэта [6, 423 – 427]. Она представляет собой конспект работы В. Н. Берха, составившего в 1828 году биографию В. Н. Татищева и давшего краткое обозрение его творческого наследия. Сюжет неоконченной поэмы «Вадим» (1822) был взят А. С. Пушкиным из «Истории Российской» В. Н. Татищева.

Важно отметить и характер чтения А. С. Пушкина. Судя по всему, он читал и сразу делал пометки, а иногда и писал мысли о прочитанном. Это, с одной стороны, помогало ему лучше осмысливать прочитанное, с другой — создавать задел для возможных будущих произведений. Для исследователей

такие заметки помогают лучше понять отношение поэта к какому-либо произведению и его автору.

Пушкин ценил живое общение с профессиональными историками. Наиболее плодотворным в этом плане было его непосредственное и опосредованное общение с Н. М. Карамзиным, без чего нельзя представить появление «Бориса Годунова». Но Пушкин также был в постоянном контакте с профессором Московского университета М. П. Погодиным. Обращает на себя внимание их переписка. Но здесь отметим лишь замечания А. С. Пушкина к одной из работ М. П. Погодина — «Об участии Годунова в убиении царевича Дмитрия», сделанные в сентябре 1829 года. Пушкина привлекла фраза Погодина: «Дмитрий родился от седьмого брака Иванова и по тогдашним понятиям едва ли имел право на престол, по крайней мере неоспоримого». Он подчеркнул ее часть от слова «едва» и до конца, а на полях написал: «Смотри все Летописи, где об незаконности Дмитрия нигде не упомянуто, напротив» [6, 384]. Оба аргумента заслуживают внимания и оба имеют одинаковую силу убедительности, то есть Пушкин и Погодин спорят «на равных». При этом интересна позиция Пушкина: умолчание источника о чем-либо — тоже своего рода свидетельство.

Известен факт публичной полемики А. С. Пушкина и М. Т. Каченовского 27 сентября 1832 года (в присутствии профессора И. И. Давыдова и министра народного просвещения С. С. Уварова) по поводу подлинности «Слова о полку Игореве»: «Пушкин горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса, а Каченовский вонзал в него свой беспощадный аналитический нож» [2, 207–208]. Каченовский, в частности, доказывал, что «Слово» — поздний памятник и является произведением (подделкой) уже XVIII века, Пушкин настаивал на древности «Слова».

Интересно: указанный диспут в каком-то смысле примирил двух участников дискуссии. Пушкин писал о нем жене 30 сентября: «На днях был я приглашен Уваровым в университет. Там встретился с Каченовским (с которым, надобно тебе сказать, бранивались мы, как торговки на вшивом рынке). А тут разговорились <с ним> так дружески, так сладко, что у всех предстоящих потекли слезы умиления» [6, 384]. Тут, конечно, мы имеем дело со знаменитой пушкинской иронией.

Пушкин, в отличие от большинства рядовых читателей, мог оценить работу ис-

¹ Так в библиотеке А. С. Пушкина под № 1468 находится сочинение Ф. Минье, а под № 1434 — Л.-А. Тьера [4].

ториков, выполненную на должном уровне. Например, он приветствовал создание П. М. Строевым указателей к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, которые облегчали работу с этим произведением: «Строев оказал более пользы русской истории, нежели все наши историки с высшими взглядами, вместе взятые. ... Г. Строев облегчил до невероятной степени изучение русской истории» [там же, 334]. По сути, тщательность работы с материалом привлекала Пушкина и в историках прошлого, в частности в В. Н. Татищеве: Татищев «решился первый привести в систему разнообразные повествования о России и, слича оные с летописями, составил Историю Российского государства с самых древних времен до 1463 года»; он «занимался разбором древних законов русских и объяснил основательными примечаниями “Русскую Правду” и “Судебник” царя Ивана Васильевича с дополнительными к нему указами» [там же, 427].

РАБОТА А. С. ПУШКИНА С ИСТОРИЧЕСКИМИ ИСТОЧНИКАМИ

Как уже отмечалось, Пушкин работал не только с исследованиями, но и обращался к источникам, то есть к тем материалам, на основе которых профессиональные историки и создавали свои труды. Он признавался, что при чтении источников он «старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени» [6, 115]. При создании художественных произведений Пушкин обращался к свидетельствам эпохи, работая над «верным изображением лиц, времени, развитием исторических характеров и событий...» [там же, 52]. То есть за текстом он видел образы людей далекого прошлого.

Вообще сам факт полемики с Каченовским, главой «скептической школы» в историографии (известной своим крайним недоверием ко всем памятникам прошлого), примечателен. Если с Погодиным Пушкин полемизировал на предмет исторических фактов, то с Каченовским речь шла о подлинности самого памятника прошлого. Это крайне интересный, но сложный исследовательский вопрос. Разобраться в этом источниковедческом сюжете помогла вовлеченность поэта в структуру языка. Пушкин убедительно говорил о присущем «Слову» «духу древности», под который «невозможно подделаться». В частности, Пушкин указывал на наличие слов, которые были найдены

впоследствии в древнерусских летописях или сохранились в других славянских наречиях. «Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни» этими словами? «Это предполагало бы знание всех наречий славянских. Положим, он ими бы и обладал, неужто таковая смесь естественна?» [там же, 344]. То есть для Пушкина главными (он с них начинает) доказательствами подлинности «Слова» (а не создание его в XVIII веке) являются:

- наличие неизвестных в XVIII веке терминов;
- органическое сочетание этих терминов.

Казалось бы, абсолютно субъективный тезис («о духе древности»), выдвинутый Пушкиным, на самом деле плод его упорных исследовательских трудов. Сейчас, после работы А. А. Зализняка [3], в которой особое место в системе доказательств подлинности «Слова» уделено лексике, аргументы Пушкина кажутся естественными. Но для источниковедения первой половины XIX века это было новаторством.

Обращают на себя внимание и дополнительные аргументы. Так, по его мнению, никто из писателей XVIII века не мог создать столь искусную подделку. Карамзин не был поэтом, Державин, иронично замечает Пушкин, «не знал и русского языка, не только языка Песни о полку Игореве», а остальные «не имели все вместе столько поэзии, сколь находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства» [6, 344]. И здесь Пушкин демонстрирует прекрасное знание литературы XVIII века.

Кроме того, никто из авторитетных ученых подлинность «Слова» не оспаривал. Среди знатоков древних текстов А. С. Пушкин назвал и Н. М. Карамзина, и А. Х. Востокова... Среди приведенных им имен выделяется А. Л. Шлецер. Его методология исторического исследования в свое время поразила Пушкина. В двух словах она заключалась в следующем: Шлецер вручную переписав ряд летописей, установил разночтения между ними, но и выявил некое общее ядро. Это ядро он и считал изначальной летописью, созданной монахом Нестором, то есть неким изначальным текстом, легшим в основу первых русских хроник. Эта-то кропотливая работа и восхитила Пушкина [там же, 103]. Именно она вывела немецкого исследователя в ряды лучших знатоков древнерусских текстов. По этой причине А. С. Пушкин и считал нужным сослаться на Шлецера в вопросе подлинности

«Слова»: «Великий скептик Шлецер, не видав Песни о полку Игореве, сомневался в ее подлинности, но, прочитав, объявил решительно, что он полагает ее подлинно древним произведением и не почел даже за нужное приводить тому доказательства; так очевидно казалась ему истина!» [6, 344]. Имеется в виду следующая фраза Шлецера: «Что это творение в поэтической прозе есть древнее и даже подлинное, теперь я более не сомневаюсь; но верно ли оно везде переведено на новый русский язык и наполнено ли Оссиновским духом, пусть судят другие» [5, 385].

Сам Пушкин вынашивал планы исследовательских работ по истории русской литературы (и эти планы сохранились). В данном случае примечательно, что Пушкина интересовали древние тексты не только как некое вместилище исторических фактов, но как самостоятельный культурный феномен. И в предполагаемом очерке истории русской литературы, и также в не состоявшейся статье о русских песнях он выдвигает задачу изучения сказок, пословиц, летописей, «Слова о полку Игореве», «Сказания о Мамаевом побоище» и т. д. Данный замысел можно назвать шагом к созданию источниковедческого труда: характеристики группы исторических текстов. Тем более примечательно заключение его статьи «О народности в литературе»: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более и<ли> менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [6, 28–29].

Наконец, частью исследовательской работы А. С. Пушкина стал самостоятельный поиск источников: как архивная эвристика, так и опрос свидетелей исторических событий.

Работа в архивах и библиотеках, в том числе и провинциальных, только становилась «нормой» в работе историка. Так, переворот в изучении истории, который привел историков в архив, был совершен Ж. Мишле, писавшим в 1830-е годы: «Когда я впервые вошел в эти подвалы, забитые рукописями..., я готов был с радостью воскликнуть... “Здесь я останусь навсегда, ибо я этого хотел!” ... Эти бумаги и пергаменты, так давно заброшенные всеми, желали ни больше, ни меньше, как вновь увидеть свет: ведь это же не просто бумаги, а жизни людей, провинций и стран» (цит. по: [12, 59]). И тут процитируем самого Пушкина: «Сколько отдельных книг можно

составить тут! сколько творческих мыслей тут могут развиваться!» — писал он историку М. П. Погодину, на чью помощь в архивной эвристике рассчитывал [8, 332–333].

Пушкина отличает активное использование предисловий, ссылок, послесловий и т. д., дающее представление об использованных материалах, и отсылка к первоисточникам в ходе полемики.

В наибольшей степени исследовательская работа А. С. Пушкина проявилась при создании «Истории Пугачевского бунта» (1833–1834).

В кратком предисловии он осветил не только состояние проблемы (фактически до А. С. Пушкина к теме Пугачевского восстания никто не приступал), но и дал обзор тех источников, которыми он пользовался: «Дело о Пугачеве, донныне нераспечатанное, находилось в государственном санкт-петербургском архиве, вместе с другими важными бумагами, некогда тайнами государственными, ныне превращенными в исторические материалы. Государь император по своем восшествии на престол приказал привести их в порядок. Сии сокровища вынесены были из подвалов, где несколько наводнений посетило их и едва не уничтожило» [7, 109].

«Историю Пугачева» Пушкин снабдил не только подробным справочно-библиографическим аппаратом, но и разного рода дополнениями. Примечания к исследованию по объему сопоставимы с самим текстом. Кроме того, для Никола I были написаны «Замечания о бунте» — по сути дела текст, в котором объясняется, что вошло в исследование, а что включено в него не было и почему. Самостоятельное значение имеют «Записи устных рассказов, преданий, песен». Это пример «устной истории» [12]. Однако они не были напечатаны при жизни Пушкина.

Наконец, особый интерес представляют ответы поэта на критику со стороны В. Б. Броневского «Истории Пугачевского бунта» (разбор статьи, напечатанной в “Сыне Отечества” в январе 1835 года). В них Пушкин расширил описание источниковой базы своей работы, приведя примеры введенных им указов Екатерины II, летописи П. И. Рычкова, писем участников подавления восстания (Панина, Румянцева, Бибикова, Державина и др.). «Признаюсь, я полагал себя в праве ожидать от публики благосклонного приема, конечно, не за самую „Историю Пугачевского бунта“, но за исторические сокровища, к ней приложенные» [7, 274–275]. То есть для Пушкина было принципиально важно введение в обо-

рот новых источников, а через это — и новой информации, что выделяет настоящего историка.

А. С. Пушкин изучал архивные документы не только по XVIII веку. Как показывает Н. К. Телетова, он был знаком с подлинниками Разрядных книг, которые были изданы только в 1853 и 1855 годах [11, 372]. Они его интересовали с точки зрения истории семьи (в частности, Ржевских) для создания картины быта служилых людей XVII века (в частности, местнических споров). Пример этого можно найти в неоконченном произведении «Езерский» (1836):

«Ондрей, по прозвищу Езерский,
Родил Ивана да Илью».

И далее:

«Они и в войске, и в совете,
На воеводстве и в ответе
Служили доблестно царям.
Из них Езерский Варлаам
Гордыней славился боярской;
За спор то с тем он, то с другим,
С большим бесчестьем выводим
Бывал из-за трапезы царской,
Но снова шел под тяжкий гнев
И умер, Сицких пересев».

Действительно, полковой воевода Иван Андреевич Ржевский прославился именно местническими спорами, а за спор со Львовыми оказался в опале.

В стихотворном отрывке находим ряд терминов и оборотов, напрямую отсылающих к XVII веку и передающие атмосферу того периода: «на воеводстве», «в ответе», «с бесчестьем» и т. д. Это говорит об интересе Пушкина к специальной исторической терминологии. По наблюдению Л. В. Черепнина, «он записывает, что такое “кабальный” и “полный” холопы, каковы были функции служилых людей — “жильцов”, как было организовано стрелецкое войско; дает перечисление московских приказов и других органов управления с указанием их функций; специально подбирает материал, относящийся к соколиной охоте, и т. д.» [13, 43–44]². Он был против

именования К. Минина «гражданином» на памятнике 1818 года, поставленном на Красной площади: «Надпись *Гражданину Минину*, конечно, не удовлетворительна: он для нас или мещанин Косма Минин по прозванию Сухорукой, или думный дворянин Косма Минич Сухорукой, или, наконец, *Кузьма Минин, выборный человек от всего Московского Государства*, как назван он в грамоте о избрании Михаила Федоровича Романова» [7, 296]. Кстати, в конце своей заметки Пушкин пишет о Минине: «...в последний раз упомянуто о нем в списке дворцовым чинам в 1616», то есть Пушкин опять же апеллирует к источнику, который в его времена еще не был опубликован.

Известны усилия А. С. Пушкина по стимулированию написания мемуаров современниками, в частности А. П. Ермолова. Боевому генералу наполеоновских войн и командующему кавказским корпусом он писал или собирался писать (письмо это сохранилось только в черновике) в 1833 году: «Ваша слава принадлежит России, и Вы не вправе ее утаивать. Если в праздные часы занялись Вы славными воспоминаниями и составили записки о своих войнах, то прошу Вас удостоить меня чести быть Вашим издателем. Если ж Ваше равнодушие не допустило Вас сие исполнить, то я прошу Вас позволить мне быть Вашим историком, даровать мне краткие необходимейшие сведения и *etc.*» [17, 334]. Повлиял ли Пушкин на работу Ермолова, но мемуары он написал, и они неоднократно переиздавались.

Опросы свидетелей, проводимые Пушкиным, тоже можно разделить на две группы.

Первая: опрос окружавших А. С. Пушкина свидетелей. Поэт оставил обширные записи рассказов о своих современниках и героях XVIII века. Он вел записи с середины 1820-х годов и вплоть до 1836 года. Некоторые «анекдоты» он напечатал в «Современнике». Именно благодаря Пушкину сохранилась интересная и часто воспроизводимая история о М. В. Ломоносове: «Шувалов, заспорив однажды с Ломоносовым, сказал ему сердито: “Мы отставим тебя от Академии”. — “Нет, — возразил великий человек: — разве Академию отставите от меня”» [6, 63]. К этой же группе материалов следует отнести и мемуары В. П. Нащокина, записанные Пушкиным в 1830 году [там же, 156–160].

Вторая: настоящая работа «в поле». И здесь Пушкин вел себя как этнограф или археограф. В этом плане примечательно письмо жене 2 октября 1833 года: «Оттуда поехал

² В заметке о романе М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» А. С. Пушкин приводит список толкований тех или иных исторических терминов: «новейшее выражение: *столбовой дворянин* употреблено в смысле человека знатного рода (*мужа честна*, как говорят летописцы); *охотиться* вместо: *ездить на охоту*; *пользовать* вместо *лечить*» [6, 73].

я в Уральск — тамошний атаман и казаки приняли меня славно, ... наперерыв давали мне все известия, в которых имел нужду» и далее: «В деревне Берде, где Пугачев простоял шесть месяцев ... нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от нее не отставал» [8, 350].

Более того, А. С. Пушкин находит способ проверить достоверность устных свидетельств. «Приводя ... анекдот о Тотлебене, будто бы заметившем сходство между Петром III и Пугачевым, г. Броневский пишет: “Если анекдот сей справедлив, то можно согласиться, что слова сии, просто сказанные, хотя в то время не сделали на ум Пугачева большого впечатления, но впоследствии могли подать ему мысль называться императором”. [...] Анекдот о Тотлебене есть вздорная выдумка. Историк не следовало о нем и упоминать и того менее — выводить из него какое бы то ни было заключение. Государь Петр III был дороден, белокур, имел голубые глаза; самозванец был смугл, сухощав, малоросл; словом, ни в одной черте не сходствовал с государем» [8, 276]. То есть не каждое устное свидетельство, каким бы уникальным оно ни казалось, является достоверным.

Вообще, в «Истории Пугачева» наиболее заметно сочетание Пушкиным информации, почерпнутой из письменных памятников, с личными наблюдениями и опросами очевидцев интересовавших его событий и т. д. Здесь ему приходилось проводить работу, «поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память исторической критикой» [там же, 275]. Нетрудно заметить, что на этом строилась работа археографов и этнографов в XX веке.

Пушкинский исторический инструментальный был настолько велик и писатель им так виртуозно владел, что мог писать пародии на работу историка. В этом плане примечательна неоконченная «История села Горюхина» (1830). Она построена как исследование некоего помещика Ивана Петровича Белкина (от его имени А. С. Пушкиным будет написан еще целый ряд повестей). Одна из

частей «Истории...» — описание источников, которыми пользовался Белкин. Основную часть сведений составили записи, сделанные на полях адрес-календарей. Пометы делались прадедом сочинителя, а также были дополнены его сыном — дедом рассказчика и другими лицами (включая приказчика). Белкин различил их почерки, что позволило установить последовательность работы: «Первые 20 частей исписано старинным почерком с титлами. Летопись сия сочинена прадедом моим Андреем Степановичем Белкиным. Она отличается ясностью и краткостью слога, например: 4 мая. Снег. Тришка за грубость бит. [...] Остальные 35 частей писаны разными почерками, большею частью так называемым *лавочничьим* с титлами и без титлов, вообще плодовито, несвязно и без соблюдения правописания. Кой-где заметна женская рука. В сие отделение входят записки деда моего Ивана Андреевича Белкина и бабки моей, а его супруги, Евпраксии Алексеевны, также и записки приказчика Гарбовицкого». Перед нами пародия на палеографический анализ: установление авторства и последовательности написания текста по начертанию букв, цвету чернил, стилю изложения. Другая группа материалов — «Летопись горюхинского дьячка» (приобретенная Белкиным за четверть овса) «отличается глубокомыслием и велеречием необыкновенным», видимо, автор ее был человеком начитанным, что и стремился показать. Далее идут «изустные предания» (которые И. П. Белкин должен был собрать и зафиксировать, чтобы потом на их основе составлять цельный рассказ) и «ревизские сказки».

Пушкин разделяет материалы по происхождению: собственно «летописи» (причем внутри них он выделил писцов, тем самым указав, пусть и в ироничной форме, важность палеографии для работы исследователя), официальное делопроизводство («ревизские сказки») и устные рассказы.

Описание хранения летописи «горюхинского дьячка» очень схоже с ситуациями, с которыми во времена Пушкина столкнулись профессиональные археографы:

Пушкин А. С.	Строев П. М.
«Первые листы были выдраны и употреблены детьми священника на так называемые змеи. Один из таких упал посреди моего двора. Я поднял его и хотел было возвратить детям, как заметил, что он был исписан. С первых строк увидел я, что змей составлен был из летописи, и к счастью успел спасти остальное»	«...груды древних книг и свитков снесены были для того, чтобы грызушия животные, черви, ржа и тля могли истреблять их удобнее и скорее» [10, 283].

Картину, подобную той, что описана П. М. Строевым, мог видеть сам Пушкин в архивах, в которых ему приходилось работать. Вспомним его замечание о материалах по восстанию Пугачева: «Сии сокровища вынесены были из подвалов, где несколько наводнений посетило их и едва не уничтожило».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы видим, Пушкин являл собой очень интересный тип историка. Он сочетал в себе черты кабинетного ученого и полевого

исследователя. Его инструментарий включал в себя не только знакомство с трудами ученых, но и обращение к первоисточникам, включая поиск новых документов или инициирование воспоминаний. Фактически он был едва ли не первый русский ученый, на практике занимавшийся «устной историей» и вплетающий ее в канву своих сочинений (в том числе и исторических изысканий). Недаром современник А. С. Пушкина, А. И. Тургенев 31 января 1837 года писал: «В Пушкине лишились мы великого поэта, который готовился быть и хорошим историком».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Блок Г. П. Пушкин в работе над историческими источниками. М.-Л. : Наука, 1949. 216 с.
2. Гончаров И. А. Из университетских воспоминаний // Собр. соч.: в VIII тт. Т. VII. Очерки, повести, воспоминания. М. : Художественная литература, 1954. С. 193–315.
3. Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М. : Языки славянской культуры, 2004. 352 с.
4. Модзалевский Б. Л. Каталог библиотеки А. С. Пушкина // Пушкин и его современники: материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9/10. С. 1–370.
5. Нестор. Руския летописи на древле-славенском языке / Сличенныя, переведенныя и объясненныя Августом Лудовиком Шлецером; пер. с немецкаго Дмитрий Языков. Т. I. СПб., 1809. 707 с.
6. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. VII. Критика и публицистика. М. : Наука, 1978. 544 с.
7. Пушкин А. С. История Пугачева. Записки Моро де Бразе. Полн. собр. соч. Т. VIII. Автобиографическая и историческая проза. М. : Наука, 1978. 416 с.
8. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. X. Письма. М. : Наука, 1979. 712 с.
9. Разиньков В. Л. Систематический каталог библиотеки Пушкина // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9/10. С. 427–429.
10. Строев П. М. О средствах, удобнейших к открытию памятников отечественной истории и успешнейшем способе обрабатывать оные // Труды и летописи ОИДР. [М.], 1828. Ч. IV. Кн. 1. С. 277–303.
11. Телетова Н. К. История рода Ржевских // Род и предки А. С. Пушкина. М. : Васанта, 1995. С. 335–389.
12. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М. : Весь мир, 2003. 368 с.
13. Черепнин Л. В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М. : Мысль, 1968. 383 с.
14. Эйдельман Н. Я. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М. : Советский писатель, 1984. 370 с.

REFERENCES

1. Blok G. P. Pushkin v rabote nad istoricheskimi istochnikami [Pushkin's Approach to Historical Sources]. Moscow; Leningrad, 1949. 216 p. (In Russian)
2. Goncharov I. A. From University Memoirs. *Sobranie sochinenii* [Collected Works : in 8 vol.]. Vol. VII: Ocherki, povesti, vospominaniya [Essays, Novellas, Memoirs]. Moscow, 1954. P. 193–315. (In Russian)
3. Zaliznyak A. A. "Slovo o polku Igoreve": vzglyad lingvista [The Tale of Igor's Campaign: a Linguist's View]. Moscow, 2004. 352 p. (In Russian)
4. Modzalevsky B. L. Catalogue of A. S. Pushkin's Library. *Pushkin i ego sovremenniki: materialy i issledovaniya* [Pushkin and His Contemporaries: Materials and Research]. Saint Petersburg, 1910. Issue 9/10. P. 1–370. (In Russian)
5. Schlözer A. L. (ed.) Nestor: Ruskiya letopisi na drevle-slavenskom yazyke [Nestor: Russian Chronicles in the Ancient Slavic language]. Translated from the German by Dmitry Yazykov. Vol. I. Saint Petersburg, 1809. 707 p. (In Russian)

6. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works : in 10 vol.]. Vol. VII: Kritika i publitsistika [Criticism and Journalism]. Moscow, 1978. 544 p. (In Russian)
7. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works : in 10 vol.]. Vol. VIII: Avtobiograficheskaya i istoricheskaya proza. Istoriya Pugacheva. Zapiski Moreau de Brasey [Autobiographical and Historical Prose. The History of Pugachev. The Notes of Moreau de Brasey]. Moscow, 1978. 416 p. (In Russian)
8. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works : in 10 vol.]. Vol. X: Pis'ma [Letters]. Moscow, 1979. 712 p. (In Russian)
9. Razin'kov V. L. A Systematic Catalogue of Pushkin's Library. *Pushkin i ego sovremenniki: materialy i issledovaniya* [Pushkin and His Contemporaries: Materials and Research]. Saint Petersburg, 1910. Issue 9/10. P. 427–429. (In Russian)
10. Stroyev P. M. On the Most Convenient Means of Uncovering Monuments of National History and the Most Successful Method of Studying Them. *Trudy i letopisi OIIR* [Works and Chronicles of the Society for Russian History and Antiquities]. Moscow, 1828, part IV, book 1. P. 277–303. (In Russian)
11. Teletova N. K. The History of the Rzhevsky Family. *Rod i predki A. S. Pushkina* [The Family and Ancestors of A. S. Pushkin]. Moscow, 1995. P. 335–389. (In Russian)
12. Thompson P. Golos proshlogo. Ustnaya istoriya [The Voice of the Past. Oral History]. Moscow, 2003. 368 p. (In Russian)
13. Cherepnin L. V. Istoricheskie vzglyady klassikov russkoi literatury [Historical Views of the Classics of Russian Literature]. Moscow, 1968. 383 p. (In Russian)
14. Eidelman N. Ya. Pushkin: Istoriya i sovremennost' v khudozhestvennom soznanii poeta [Pushkin: History and Modernity in the Poet's Artistic Consciousness]. Moscow, 1984. 370 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Богданов В. П. — доктор исторических наук, старший научный сотрудник МГУ им. М. В. Ломоносова, доцент, декан факультета изобразительных искусств РГСАИ.

Information about the author:

Bogdanov V. P. — Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at Lomonosov Moscow State University, Associate Professor, Dean of the Faculty of Fine Arts at the Russian State Specialized Academy of Arts.

Статья поступила в редакцию 16 марта 2026 года; одобрена после рецензирования 10 апреля 2026 года; принята к публикации 15 апреля 2026 года.

The article was submitted March 16, 2026; approved after reviewing April 10, 2026; accepted for publication April 15, 2026.